

Рахман Каландаров

Статья [В. Шапинова «В чём же был прав Мао?»](#), ещё раз подтверждает принципиальное значение споров об исторической роли маоизма. В продолжение разговора выскажу некоторые замечания по данной статье.

{comments on}Прежде всего, как компартия Китая оценила решения XX съезда КПСС? Вот некоторые высказывания самого Мао Цзэдуна: «Доклад о культе личности приносит большую пользу...» (апрель 1956 г.); «На... XX съезде КПСС были выработаны многие правильные политические установки, подвергнуты осуждению недостатки в партии...» (сентябрь 1956 г., речь на открытии VIII съезда КПК). В политическом отчёте ЦК КПК VIII съезду были такие слова: «...XX съезд Коммунистической партии Советского Союза является важнейшим политическим событием, имеющим мировое значение. Съезд... разработал грандиозный план шестой пятилетки,... осудил культ личности, который привел внутри партии к серьёзным последствиям...». В докладе об изменениях в Уставе КПК отмечалось: «XX съезд КПСС дал убедительные разъяснения важнейшего значения неуклонного соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы против культа личности». Первая сессия VIII съезда КПК изъела из Устава положение об «идеях Мао Цзэдуна» и включила положение о том, что КПК руководствуется марксизмом-ленинизмом.

Что касается цитируемого в статье тов. Шапинова письма ЦК КПК, то это, по-видимому, письмо, направленное в адрес ЦК КПСС 10 сентября 1960 г. то есть тогда, когда уже определился «особый курс» руководства КПК. Утверждение, что начатая руководством КПСС борьба с культом личности «перешла по наследству от Бакунина, Каутского, Троцкого и Тито», совершенно бездоказательно (по крайней мере, по процитированному тексту письма). Но не правда ли, это очень удобная позиция — немедленно объявить каждого, кто вздумает критиковать культ личности, троцкистом или каутскианцем?

Вызывает недоумение заявление, что «Сталин принадлежит не только КПСС, а всему мировому коммунистическому движению, и решать вопрос об оценке Сталина, не посоветовавшись с другими партиями, КПСС не имела права». С каких это пор любая компартия не имеет права давать политическую оценку деятельности любого из своих членов? Это внутреннее дело каждой партии. Другие компартии имеют полное право высказать свое мнение об этих решениях, но на что они точно не имеют права, так это отрицать право каждой компартии оценивать деятельность каждого своего члена.

Особого разговора заслуживает тезис о том, что после смерти Сталина «в международном комдвижении не стало лидера, который... мог бы быть вождём и определять линию на мировом уровне... Хрущёв уже не мог претендовать на

безусловный авторитет, а КПСС на безусловное лидерство в комдвижении... Появилось первое противоречие, по которому разошлись... позиции КПСС и КПК». Итак, разногласия между КПСС и КПК возникли из-за того, что Мао Цзэдун по своим заслугам имел больше оснований претендовать на лидерство в комдвижении, чем Хрущёв. То есть именно руководство КПСС было более заинтересовано в конфронтации с КПК. Но тогда следовало бы ожидать каких-либо недружественных действий с советской стороны в отношении Китая. Были такие действия? Когда и где? В том то и дело, что ничего подобного никогда не было. Наоборот, фактом является, например, то, что в 1958 г. во время Тонкинского кризиса Советский Союз решительно выступил в поддержку Китая против угрозы империалистической агрессии (но не в поддержку авантюристических действий китайского руководства).

Однако, не в этом главное. Почему линию всего мирового комдвижения должен определять один-единственный лидер? Вообще-то в свое время роспуск Коминтерна был обусловлен невозможностью руководить из одного центра компартиями, действующими в очень разнообразных условиях. Но прежде всего надо помнить о значении принципа коллективного руководства. О чем, например, свидетельствует опыт партии большевиков? В 1917 г. важнейшие вопросы стратегии и тактики решались на VII партконференции и на VI съезде партии. С 1917 по 1925 гг. ежегодно проходили партийные съезды и почти каждый год — партийные конференции. Так что в условиях гражданской войны и преодоления послевоенной разрухи партия обеспечивала коллективность руководства. В определенной мере коллективное руководство поддерживалось и в Коминтерне.

Есть и ещё один аспект проблемы. Если предположить, что со смертью Сталина КПСС действительно потеряла часть авторитета, то о чём это говорит? Опять-таки о роли коллективного руководства. Только коллективное руководство может предотвратить колебания авторитета партии в связи со сменой лидеров. Почему же «великий вождь» не предугадал такой ситуации и не принял меры, чтобы партия ассоциировалась не только с ним лично?

Далее необходимо рассмотреть вопрос о решении XX съезда КПСС по поводу мирного перехода от капитализма к социализму. В сущности, если логически развить тему, это вопрос об исторической роли Советского Союза. В жизни немало парадоксов. Есть моменты, на которых сходятся взгляды казалось бы непримиримых идейных противников. Например, троцкисты считают, что СССР ещё с 1920-1930-х годов стал препятствовать развитию мирового революционного движения. Теперь выясняется, что и сторонники Сталина считают, что на определенном этапе Советский Союз стал играть отрицательную историческую роль, но только с 1956 г., когда КПСС на XX съезде перешла на «реформистские позиции». Что можно сказать по этому поводу?

XX съезд КПСС подчеркнул, что для перехода от капитализма к социализму необходимы социалистическая революция и диктатура пролетариата. При этом съезд отметил, что в современных условиях (рост сил социалистической системы, подъём национально-освободительного движения, сдвиг влево широких народных масс в крупнейших капиталистических странах) в некоторых случаях возможна мирная победа

революции. Было ли это правильно для той эпохи, теперь уже решить невозможно. Сейчас другой исторический период, и сохранит ли своё значение концепция мирного развития революции, может показать только будущее. Но после 1945 г. революции в Европе действительно победили мирным путем в силу ряда факторов (например, присутствие советских войск), так что отрицать такую возможность для определённых стран в определённые периоды сейчас нельзя. Не отрицали эту возможность и классики марксизма, хотя считали её маловероятной (см., например, работу Ф. Энгельса «Принципы коммунизма»). Но, главное, означали ли решения XX съезда, что КПСС отвергает путь вооружённой борьбы? Конечно, нет. Ведь Советский Союз поддержал вооружённую борьбу народов Кубы, Алжира, Вьетнама, Бангладеш, Анголы, Никарагуа и т.д. Так что соответствующие обвинения маоистов несостоятельны. Но здесь возможно возражение: ведь деятельность Хрущёва и Брежнева в конечном счёте привела к реставрации капитализма? Да, объективно их деятельность немало способствовала капитализации, но ни Хрущёв, ни Брежнев не были сознательными реставраторами капитализма. Вообще, деятельность таких политиков, как Сталин, Хрущёв, Брежнев, вряд ли когда-нибудь получит однозначную оценку. Верно, что контрреволюционный процесс в СССР начался не в 1989-1991 гг., но и не в 1953-56 гг. Здесь можно вспомнить цитату из статьи тт. Тюлькина и Сергеева (см. статью В. Шапинова «В чём же был прав Мао» («Мысль», №2, 2003 г., с. 3, 3-я колонка, 4-й абзац сверху)). К этой цитате неплохо бы добавить, что «большой» культ личности неизбежно приведет к появлению множества мелких культов и культиков. И вот замкнутый слой, стоящий над рабочим классом и партией, уже готов. Культ личности несовместим с внутрипартийной демократией, без которой, как и без железной партийной дисциплины, не может быть действительно коммунистической партии.

Вообще, так ли уж радикально Хрущёв и Брежнев боролись с культом? Вспомним некоторые исторические факты. Так, до XVII съезда ВКП(б) (февраль 1934 г.) в партии были три центральных органа: Центральный комитет, Центральная контрольная комиссия и Центральная ревизионная комиссия. После съезда их осталось два — ЦК и ЦРК, а ЦКК была преобразована в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Тем самым было покончено с независимым партийным контролем. Восстановили ли Хрущёв и Брежнев ЦКК? Нет. Комиссия партийного контроля не раз реорганизовывалась и меняла названия, но все равно оставалась «при ЦК».

До декабря 1936 г. органами власти в СССР были съезды Советов, причем съезды высшего уровня формировались съездами более низкого уровня. Конституция 1936 г. отменила съезды Советов. Органами власти стали Советы (с прямыми выборами Советов всех уровней). Ещё раньше был отменен производственный принцип выборов в Советы и остался только территориальный принцип. В результате Советы из организаций трудящихся превратились в органы власти парламентского типа. Фактически же произошла подмена власти Советов властью партийных комитетов. Ни Хрущёв, ни Брежнев не восстановили ни полномочия Советов, ни съезды Советов, ни производственный принцип выборов.

Таким образом, Хрущёв и Брежнев не затронули основ бюрократической системы, начавшей складываться при Сталине. Только в 1930-1940-е гг. эта система ещё не

успела стать таким тормозом развития, как в дальнейшем. К тому же Хрущёв и Брежнев сами совершили достаточно ошибок. Например, волюнтаристские действия Хрущёва стали одной из главных причин кризиса первой половины 1960-х годов. Но при этом Хрущёв не предал Венгрию и Египет в 1956 г., не предал он и Кубу в 1962 г. и т.д. То же можно сказать и о Брежневе. В общем, процессы реставрации капитализма в СССР долгое время шли подспудно, порой сознательно «загонялись внутрь». Деятельность этих руководителей была очень противоречивой, в ней были и положительные стороны. До прихода к власти Горбачёва сохранялась антиимпериалистическая внешняя политика Советского Союза. До середины 1980-х годов Советский Союз играл огромную положительную историческую роль.

Что касается оценки «культурной революции» в Китае, то надо помнить, что кроме настоящих революционеров есть псевдореволюционеры — специалисты по революционной фразе. Среди последних есть и мастера маскировать «ультрареволюционной» фразеологией контрреволюционное содержание. Верно, что на определенном этапе маоисты призывали к вооружённой схватке с империализмом, но при этом они собирались драться с империалистами то «до последнего русского», то «до последнего вьетнамца». Во время «культурной революции» борьба против горстки лиц, идущих по капиталистическому пути» вылилась в несколько лет фактической гражданской войны. Так что борьба велась не против какой-то горстки. «Критика» свелась к садистским расправам, издевательствам и шельмованию, которым подверглись сотни тысяч и миллионы людей. И о какой победе над «буржуазными элементами» может идти речь, если на деле ещё при жизни Мао в Китае началась реставрация капитализма? В том-то и суть тех событий, что маоисты боролись не с буржуазной контрреволюцией, а с оппозицией в КПК, разнородной и недостаточно организованной, но потенциально опасной для маоистов в условиях глубокого кризиса, вызванного самой же политикой маоистов. В нарушение конституции КНР были разогнаны собрания народных представителей. Их заменила принципиально новая система государственной власти — самозванные «ревкомы». Так что по своему содержанию «культурная революция» была именно контрреволюционным государственным переворотом, установившим вместо разрушенного народно-демократического государства военно-бюрократическую диктатуру. Затем произошло закономерное буржуазное перерождение «победителей» и их преемников, которые ныне и восстанавливают в Китае капитализм. Хунвэйбины и цзаофаняни никогда не были революционной молодежью. Это была политически незрелая молодёжь, обманутая «революционной» фразой и опьяненная иллюзией неограниченной власти. Они сыграли роль ударной силы маоистской контрреволюции, когда надо было громить парткомы и органы власти. Им действительно позволили расправляться даже с бывшими ближайшими сподвижниками Мао, ставшими неугодными (а заодно безнаказанно грабить магазины и склады). Затем, когда задача разрушения прежней системы власти была выполнена, хунвэйбинов и цзаофаняней быстро усмирила армия, взявшая на себя задачу создания новых властных структур. При этом есть немало примеров, как во время «культурной революции» наиболее сознательные рабочие и крестьяне давали отпор хунвэйбинам.

Что до ФКП, то она потеряла влияние в 1990-е годы, когда перешла на антисоветские

Ещё раз о маоизме. И не только

Автор: Administrator

10.11.2011 09:56 - Обновлено 10.11.2011 10:02

позиции и стала злорадствовать по поводу «крушения восточноевропейских режимов». Время покажет, насколько близка победа революций в Колумбии, в Непале и на Филиппинах. Но до сих пор маоисты не смогли возглавить ни одну революцию. (Только в Камбодже группировка Пол Пота сумела воспользоваться победой народных масс. Известно, что произошло потом.) «Революционная» фраза никогда не приведет к победе.

А в общем, справедливо, что современным коммунистам необходимо изучать исторический опыт XX века, чтобы уметь отличать революционность от контрреволюционности, маскирующейся «ультрареволюционной» фразеологией.